

Филиппова И. Г.

КОРРУПЦИЯ, ДЕМОКРАТИЯ И РЕГУЛЯТОРНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Объектом анализа является государство как распределенная система принятия решений, а предметом – ее дисфункция как результат действия институциональных факторов, в частности, коррупции как неформального негативного института. Полученные результаты дают основание усомниться также в положительном влиянии демократии на социально-экономические процессы, в том числе, и на уровень воспринимаемой коррупции. Это наводит на мысль о том, что демократия способствует распылению ответственности и отчуждению науки от управления, поскольку научное знание не является «продуктом массового спроса» и становится все менее востребованным со стороны правящей элиты в Украине. Функция науки как институционального фактора эффективности государственного управления заключается в развитии представлений о недискреционных механизмах принятия решений, а так же формулировке четких критериев для оценки результатов деятельности субъектов, наделенных полномочиями принятия решений, с целью повышения уровня их ответственности. Таким образом, речь идет о таких институциональных факторах государственной регуляторной эффективности, как социальная ответственность и социальный контроль.

Ключевые слова: эффективность, институты, государственное управление, коррупция, демократия

Рис.: 2. Формул.: 7. Библ.: 19.

Филиппова Ирина Гариевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент, кафедра управления персоналом и экономической теории, Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля (кв. Молодежный, 20а, Луганск, 91034, Украина)

Email: garevna@mail.ru

УДК 330.341.2:328.36

Филиппова І. Г.

КОРУПЦІЯ, ДЕМОКРАТІЯ І РЕГУЛЯТОРНА ЕФЕКТИВНІСТЬ ДЕРЖАВИ

Об'єктом аналізу є механізм державного управління як розподілена система прийняття рішень, а предметом – її дисфункція як результат дії інституційних чинників, зокрема, корупції як неформального негативного інституту. Одержані результати дають підставу засумніватися також в позитивному впливі демократії на соціально-економічні процеси, у тому числі, і на рівень сприйнятої корупції. Це наводить на думку про те, що демократія сприяє розсіюванню відповідальності і відчуженню науки від управління, оскільки наукове знання не є «продуктом масового попиту» і стає все менш затребуваним з боку правлячої еліти в Україні. Функція науки як інституціонального чинника ефективності державного управління полягає в розвитку уявлень про недискреційні механізми прийняття рішень, а так само формулюванню чітких критеріїв для оцінки результатів діяльності суб'єктів державного регулювання з метою підвищення рівня їх відповідальності. Таким чином, йдеться про такі інституційні чинники державної регуляторної ефективності, як соціальна відповідальність і соціальний контроль.

Ключові слова: ефективність, інститути, державне управління, корупція, демократія

Рис.: 2. Формул.: 7. Бібл.: 19.

Филиппова Ирина Гарієвна – кандидат економічних наук, доцент, доцент, кафедра управління персоналом і економічної теорії, Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля (кв. Молодіжний, 20а, Луганськ, 91034, Україна)

Email: garevna@mail.ru

UDC 330.341.2:328.36

Filippova I. G.

CORRUPTION, DEMOCRACY AND CONTROL EFFECTIVENESS OF THE STATE

The object of analysis is a state as a distributed system of decision making and the subject of analysis is its disfunction as a result of action of institutional factors, in particular, corruption as an informal negative institute. The obtained results provide grounds for doubts in positive influence of democracy upon socio-economic processes, including upon the level of perceptible corruption. This suggests that democracy facilitates dispersion of responsibility and alienation of science from control, since scientific knowledge is not a "mass product" and becomes less and less demanded from the ruling elite in Ukraine. The function of the science as an institutional factor of effectiveness of state control lies in development of concepts of non-discretionary mechanisms of decision making and also formulation of clear criteria for assessment of results of activity of subjects endowed with authority of decision making, in order to increase the level of their responsibility. Thus, we speak about such institutional factors of state control effectiveness as social responsibility and social control.

Key words: effectiveness, institutes, state control, corruption, democracy

Рис.: 2. Formulae: 7. Bibl.: 19.

Filippova Irina G. – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor, Department of Personnel Management and Economic Theory, East-Ukrainian National University named after V. Dah (91034, Ukraine)

Email: garevna@mail.ru

Постановка проблеми. Следствием полного фиаско принципа «laissez faire» и очевидной несостоятельности либеральной доктрины, признаваемой сегодня многими учеными во всем мире, является возрастание роли государства в регулировании социально-экономических процессов. Однако функционирование этого общественного института в Украине, как, впрочем, и во многих других странах, является критически неэффективным вследствие низкого уровня социальной ответственности субъектов принятия решений.

Данная проблема имеет глубокие корни, связанные с деформацией институциональной матрицы, приводящей к нарушению базовых принципов системной интеграции социума [17], откуда вытекает необходимость поиска новых форм отношений между государством и обществом.

Этот поиск неизбежно приводит к концепции социальной ответственности как института, детерминирующего социальные обязательства, связанные с полномочиями принятия решений. В этом смысле он является строго обя-

зательным дополнением рыночных институтов, которые определяют, в основном, статусные позиции и имущественные права субъектов отношений. Имплементация принципа социальной ответственности на субъектном уровне возможна исключительно при наличии механизма социального контроля, который обеспечивает мониторинг результатов деятельности субъектов принятия решений на основе системы критериев, формулируемых в рамках института социальной ответственности.

Обзор последних исследований и публикаций по теме. Когда речь заходит об эффективности государственного управления, неизбежно всплывает тема институтов. Ведущие специалисты международных исследований из Института Международного банка Д. Кауфман и А. Краай рассматривают понятия «государственное управление», «институты» и «качество институтов» как взаимозаменяемые [1]. На наш взгляд, такой подход является некорректным, поскольку, во-первых, институт государственного управления является лишь частью институциональной системы общества, во-вторых, в силу существенных различий между дискреционным и недискреционным управлением, поскольку последнее исключает человеческий фактор.

В определении Мирового банка институты включают правила (в том числе поведенческие нормы) и организации, обеспечивающие исполнение правил и норм для достижения поставленных целей (в отличие от политики, эти цели формулирующей) [2, с. 6].

Помимо исследований качества государственного управления, которые проводят Д. Кауфман, А. Край и Г. Матрострици [3], существенный вклад в это направление сделал автор широко известного индекса восприятия коррупции Transparency International Иоганн Г. Ламбсдорфф [4].

Затрагивая тему эффективности государственного управления, невозможно обойти стороной проблемы демократических форм политического устройства. Многочисленные публикации, посвященные «уголовно-промышленной индустрии»¹ в США [5; 6], фактически представляющей собой современную форму работорговли, свидетельствуют о том, что не только конкретные воплощения, но само понятие «демократия» полегит сегодня существенному пересмотру с точки зрения не столько индивидуальной свободы, как распределения полномочий принятия решений.

Что касается коррупции, этот феномен определяется Мировым банком как злоупотребление государственной властью для получения личной выгоды [7]. Вито Танци дает более нейтральное определение коррупции как преднамеренного нарушения рыночных отношений с целью получения определенных преимуществ для себя или связанных лиц [8]. Р. Анкерман, говоря о неприятии экономистами этической стороны проблемы и их концентрации на монетарных аспектах коррупции (*quid pro quo*), отмечает однобокость некоторых исследований в этом направлении, пытающихся оправдать коррупцию как «смазку» для инерционной бюрократической машины [9]. Р. Анкерман определяет коррупцию как патологию отношений между принципалом

и агентом (незаконное использование готовности платить как критерия для принимаемых решений) [9, р. XVII].

Благодаря таким публикациям, как Индикаторы государственного управления Мирового Банка [10], Индекс конкурентоспособности Мирового экономического форума [11], Отчет о глобальной целостности The Global Integrity [12], Всеобщая экономическая база данных The Conference Board [13], Индекс демократии The Economist Intelligence Unit [14], Индекс законности The World Justice Project [15] раскрываются наиболее общие закономерности протекания социально-экономических процессов в мировом масштабе и эффективности государственного регулирования последних.

Таким образом, множество исследований и публикаций, посвященных эффективности государственного управления, отражают растущий интерес мирового научного сообщества к проблемам регулирования социально-экономической реальности, что доказывает актуальность этой тематики. Однако существенные разногласия между учеными по различным аспектам изучаемых явлений и их взаимному влиянию оставляют широкое поле для дальнейших поисков.

Целью статьи является анализ некоторых институциональных аспектов регуляторной эффективности государства в мировом масштабе на основе результатов исследования перечисленных нами международных организаций.

Изложение основного материала исследования. Во избежание упреков в неточности используемых дефиниций отметим, что объектом нашего анализа является государство как распределенная система принятия решений, а предметом – ее дисфункция как результат действия институциональных факторов. Так как система государственного управления финансируется за счет налогоплательщиков, главным условием ее существования и оправданием издержек общества на ее содержание должна быть реализуемая ею полезная функция, т. е. регуляция, эффективность которой определяется отношением достигнутых результатов к расходам бюджета.

В этом смысле институты, выполняющие функцию недискреционного управления, являются наименее затратными с точки зрения издержек процесса. В таком случае эффективность непосредственно связана с качеством институтов, что, вообще говоря, в большей степени является прерогативой науки как объективного, отчужденного от индивида знания.

В противном случае общество не только несет издержки, связанные с содержанием должностного лица, наделенного полномочиями принятия решений, но и издержки, возникающие в результате оппортунистического поведения последнего. Полагая для упрощения анализа максимальную склонность к оппортунизму у всех субъектов рассматриваемой нами системы принятия решений, мы неизбежно опять возвращаемся к теме институтов, но в данном случае не замещающих субъектов принятия решений, а ограничивающих их волюнтаризм более или менее жесткими рамками.

Тогда становится очевидным, что качество институциональной подсистемы определяет эффективность государственного регулирования, причем эффективность безусловно выше в том случае, когда затраты общества ми-

¹ <http://criticalresistance.org>

нимальны, т. е. при наибольшем объеме недискреционного управления.

Возвращаясь к дефинициям, уточним, что коррупцию мы рассматриваем в аспекте дисфункции системы принятия решений. В этом смысле разнообразные подходы к определению коррупции теряют смысл: не важно, в чем заключается суть коррупционного действия, и какую форму оно принимает; важен только отрицательный результат для общества, заключающийся в неэффективности принимаемых решений, т.е. регуляторной неэффективности.

Даже при постоянных² издержках общества на содержание коррумпированной системы принятия решений она все хуже выполняет свою полезную функцию, вплоть до причинения прямого ущерба интересам принципала (общества). Преимущества недискреционного управления в данном случае очевидны, поскольку коррупция в этом случае исключена в любой форме.

Коррупция является наиболее критическим фактором регуляторной эффективности государства, поскольку не только препятствует нормальному функционированию системы принятия решений, но разрушает саму эту систему изнутри.

При этом коррупция, в свою очередь, является следствием действия определенных институциональных факторов, а точнее – неразвитости института социальной ответственности вследствие отсутствия механизма социального контроля как его важнейшей составляющей.

Для уточнения институциональных факторов коррупции мы рассмотрели такие составляющие индекса демократии [14], как гражданские свободы (*CL*), политическая культура (*PC*), функционирование правительства (*FG*) и избирательный процесс и плюрализм (*EP*). В результате мы получили уравнение регрессии (1) со статистически значимыми коэффициентами (объем выборки – 123 страны), отражающее влияние перечисленных факторов на индекс восприятия коррупции (*CPI*) Transparency International [16]:

$$CPI = 0.22 \cdot CL + 0.36 \cdot PC + 0.45 \cdot FG - 0.21 \cdot EP. \quad (1)$$

Значение коэффициента детерминации 0,7034 говорит о том, что более 70 % вариации значений индекса восприятия коррупции обусловлено вариацией перечисленных влияющих факторов.

Судя по значению коэффициента в уравнении (1), наиболее сильное влияние на зависимую переменную (*CPI*) оказывает индекс функционирования правительства (*FG*), что подтверждает двустороннюю связь этих показателей.

На втором месте по силе влияния – политическая культура (*PC*), затем – гражданские свободы (*CL*); а вот плюрализм (*EP*) отрицательно влияет на индекс восприятия коррупции, что можно объяснить чрезмерно гибкими институциональными ограничениями, в рамках которых государственный чиновник имеет возможность маневрировать в собственных интересах.

² а они, как правило, неуклонно растут в силу ориентации регуляторной деятельности не на интересы социума, а на интересы персоналий государственной власти

Для дальнейшего анализа факторов, влияющих на индекс восприятия коррупции, мы рассмотрели такие данные The World Justice Project [15], характеризующие уровень законности (*Rule of Law Index*), как основные права (*FR*), гражданское правосудие (*CJ*) и уголовное правосудие (*CrJ*). Полученное уравнение (2) со статистически значимыми коэффициентами характеризует силу влияния каждого из перечисленных факторов на индекс восприятия коррупции *CPL*. В этом случае значение коэффициента детерминации еще выше (0.8569), т.е. почти 86 % вариации индекса восприятия коррупции обусловлено вариацией перечисленных индикаторов уровня законности.

$$CPI = 4.76 \cdot FR + 6.36 \cdot CJ + 3.18 \cdot CrJ - 3.41. \quad (2)$$

Мы уже отмечали двустороннюю связь коррупции и эффективности функционирования института государственной власти, что подтверждается многочисленными результатами (рис. 1); очевидно, что сильное государство и высокий уровень коррупции для подавляющего большинства стран являются взаимоисключающими явлениями.

Тогда чем слабее институт государственной власти, тем выше уровень коррупции. Здесь следует уточнить, что под слабостью института государственной власти мы понимаем отсутствие или недостаточное развитие недискреционных механизмов и институциональных рамок, ограничивающих оппортунизм чиновников любого уровня, независимо от их выборности или назначений на должность.

Влияние коррупции на регуляторную эффективность проявляется, в конечном счете, в динамике ключевых показателей экономического и социального развития, среди которых мы рассмотрели, например, территориальный индекс производительности труда (*LPI*), рассчитанный по данным The Conference Board [13] как отношение показателя ВВП на одного занятого для страны к медианному значению по выборке (86 стран). Используя такие данные The World Justice Project [15], как ограниченность полномочий правительства (*LGP*), отсутствие коррупции (*AC*) и открытость правительства (*OG*), мы получили уравнение регрессии (3) со статистически значимыми коэффициентами и коэффициентом детерминации 0.76:

$$LPI = -1.85 \cdot LGP + 2.34 \cdot AC + 4.25 \cdot OG - 1.13, \quad (3)$$

из которого можно сделать вывод, что наиболее эффективным является государство с высоким уровнем участия граждан в проектах и мероприятиях правительства, на втором месте по силе влияния на общественную производительность труда – отсутствие коррупции. Интересно, что индикатор *LGP* (ограничение властных полномочий) отрицательно влияет на зависимую переменную, т. е. законодательные и юридические ограничения полномочий правительственных чиновников, независимый аудит, система санкций не являются эффективными мерами. Другой вопрос – почему? Внешний контроль за правительством менее эффективен, чем самоконтроль? Или демократии менее эффективны, чем тоталитарные режимы и диктатуры?

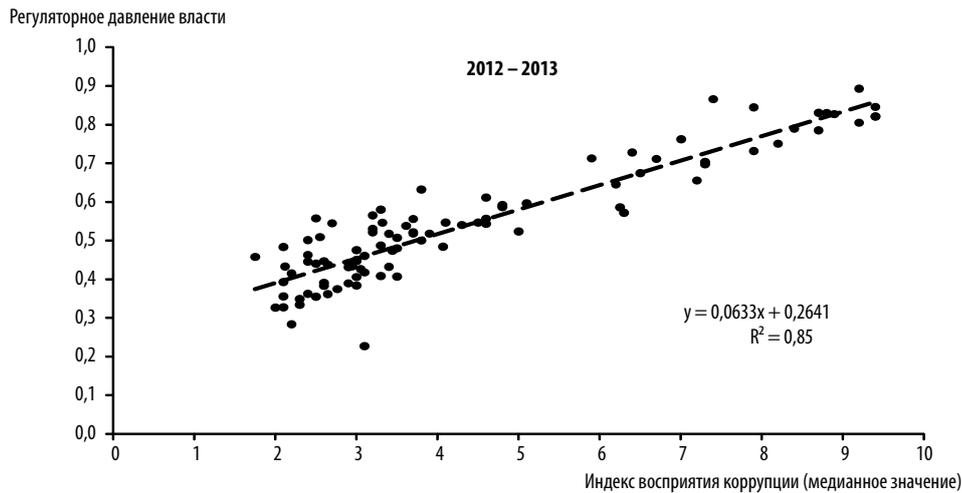

Рис. 1. Связь между регуляторным давлением власти [15] и индексом восприятия коррупции (170 стран)

Проблема, на наш взгляд, заключается в распылении ответственности, поскольку очевидно, что чем выше степень ограничения полномочий, тем ниже степень ответственности за результат.

Причиной подобного явления в современных обществах является отсутствие системы четких критериев эффективности принимаемых решений, критериев, на основании которых можно оценить деятельность власти и ее конкретных представителей. В результате необходимые решения зачастую не принимаются по причине их непопулярности, непонимания и неприятия со стороны широкой общественности, а популистские решения приводят к нежелательным последствиям, но поднимают рейтинги тех или иных политических партий или лидеров.

Здесь мы опять возвращаемся к теме социальной ответственности и социального контроля, подразумевающих, в первую очередь, соответствие между полномочиями и ответственностью, а не ограничение полномочий, влекущее соответствующее снижение ответственности. В Украине демократия является замечательным «зонтиком», защищающим правящую элиту от обвинений в неэффективности: поскольку отсутствует персональная ответственность за происходящее, постольку всегда можно «списать» провалы регуляторной деятельности на предыдущий состав правительства, или объяснить ограниченностью собственных возможностей повлиять на ход событий. Если бы в Украине отставка правительства регламентировалась такими критериями его регуляторной эффективности, как депопуляция и сокращение средней продолжительности жизни, то действия правящей элиты имели бы совершенно иной характер.

Дальнейший анализ влияния коррупции на социально-экономическую систему хотелось бы перенести в плоскость распределительных процессов. Рассматривая вариацию значений децильного коэффициента (DC), рассчитанного по данным Мирового банка, мы обнаружили следующую связь этого показателя с индикаторами [15] отсутствия коррупции (AC) и уголовного правосудия (CJ):

$$DC = -2.26 \cdot AC + 1.54 \cdot CJ + 1.13, \quad (4)$$

(коэффициенты статистически значимы). Поскольку $R^2 = 0.44$, можно сделать вывод, что 44% вариации децильного коэффициента объясняется вариацией этих факторов, при этом отсутствие коррупции оказывает снижающее влияние на степень имущественного неравенства, в то время как уголовное правосудие, охраняющее интересы собственников, способствует его росту. Это уравнение дает пищу для размышлений о природе институтов собственности, власти и управления [17], что является отдельной темой.

Возвращаясь к теме государственной регуляторной эффективности, рассмотрим данные Мирового банка для 215 стран [10], на основании которых нами было получено уравнение (5) со статистически значимыми коэффициентами и коэффициентом детерминации 0.94:

$$GE = 0.33 \cdot RQ + 0.41 \cdot RL + 0.25 \cdot CC + 0.04, \quad (5)$$

где GE – эффективность государства, подразумевающая как характеристики системы принятия решений, так и качество государственных услуг;

RQ – регуляторное качество в отношении частного сектора экономики;

RL – уровень законности, или социальный капитал;

CC – степень контроля коррупции.

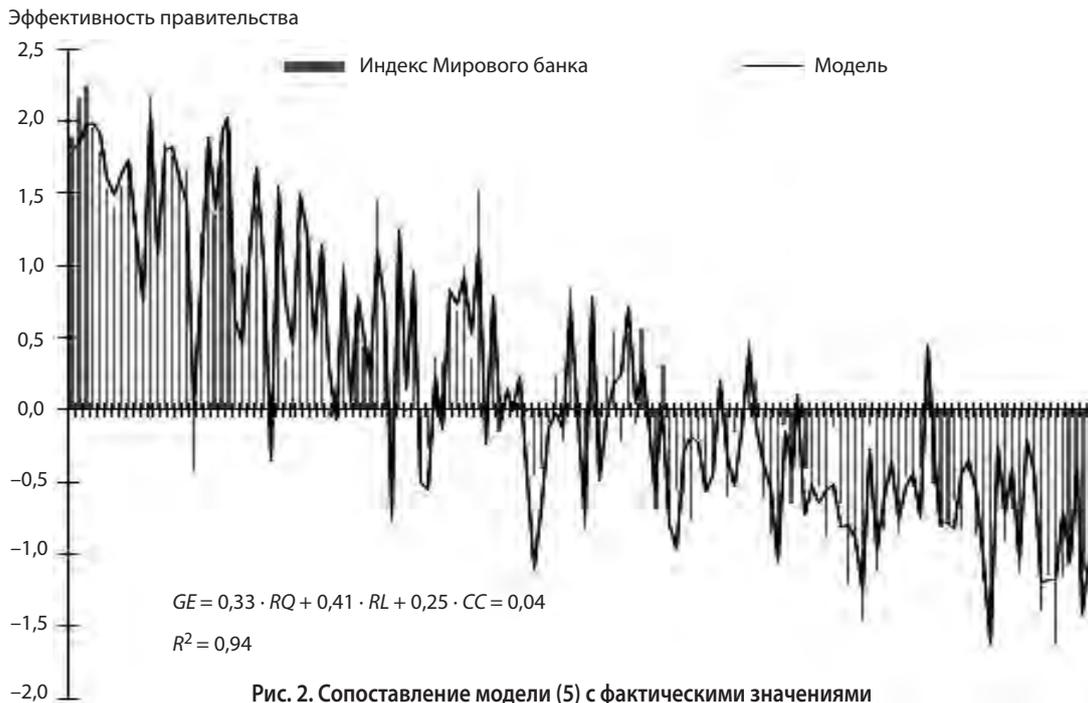
А влияние показателей государственного управления [10] на глобальный индекс конкурентоспособности GCI [11] описывается следующим уравнением со статистически значимыми коэффициентами ($R^2 = 0.8$):

$$GCI = -0.25 \cdot VA + 0.62 \cdot GE + 0.19 \cdot RL + 4.11, \quad (6)$$

где VA – гласность и подотчетность;

GE, RL – те же, что в уравнении (5).

Тот факт, что эффективность государства среди перечисленных факторов оказывает наиболее сильное влияние на глобальную конкурентоспособность страны, не вызывает никакого недоумения. Однако отрицательное влияние гласности и подотчетности правительства требует отдельного внимания. Мы опять сталкиваемся с «издержками» демократии, которая, будучи реализована в форме стихийного и массового доступа к ресурсам власти, по опре-

делению не может быть эффективной. Особенно опасным «побочным эффектом» демократии является отчуждение науки от управления, поскольку довольно редко можно встретить ученых, одновременно являющихся представителями крупного капитала, однако среди представителей власти такое случается слишком часто.

Это подтверждается другой моделью (7) со статистически значимыми коэффициентами ($R^2 = 0,78$):

$$GCI = 1.7 \cdot CJ + 2.93 \cdot OG - 1.18 \cdot FR + 2.56, \quad (7)$$

где GCI и OG – те же, что в моделях (6) и (3), соответственно;

CJ – гражданское правосудие;

FR – основные права [15]. Отрицательное влияние основных прав на индекс глобальной конкурентоспособности еще раз дает повод для более пристального изучения демократии с точки зрения эффективности регулирования социально-экономической реальности.

Выводы. Рассматривая коррупцию как институциональный фактор регуляторной эффективности государства, мы исходим из того, что она приводит к дисфункции распределенной системы принятия решений на национальном уровне. Полученные результаты дают основание усомниться в положительном влиянии демократии на социально-экономические процессы, в том числе и на уро-

вень воспринимаемой коррупции. Это наводит на мысль о том, что демократия способствует распылению ответственности и отчуждению науки от управления, поскольку научное знание не является «продуктом массового спроса» и становится все менее востребованным со стороны правящей элиты в Украине.

Эффективность государственного управления зависит от количества и качества недискреционных механизмов принятия решений, а так же от качества институтов, ограничивающих волюнтаризм субъектов принятия решений путем повышения степени их ответственности, что подразумевает наличие четких критериев для оценки результатов их деятельности. Построение подобной институциональной системы является функцией науки. Что касается демократии, то с точки зрения регуляторной эффективности государства демократическое большинство должно обладать высокой культурой знаний и отношений, что означает накопление социального капитала общества. В еще большей степени это относится к персоналиям, обладающим полномочиями принятия решений.

Таким образом, речь идет о таких институциональных факторах государственной регуляторной эффективности, как социальная ответственность и социальный контроль [17;18; 19]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Kaufmann D., Kraay A. (2007), 'Governance Indicators: Where Are We, Where Should We Be Going?', The World Bank, Policy Research Working Paper 4370, <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/7588/wps4370.pdf?sequence=1>
2. World Development Report 2002 'Building Institutions for Markets', The World Bank, Published by Oxford University Press, Inc., <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/5984/WDR%202002%20-%20English.pdf?sequence=1>

REFERENCES

- Dean, M., and Sergi, V. «Slave labor: forcing prisoners to work; The prison-industrial complex in the United States» <http://bulgaria.indymedia.org/article/3457>.
- «Democracy Index 2012: Democracy is at a standstill». https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex12.

3. Kaufmann, D., A. Kraay and M. Mastruzzi (2008), «Governance Matters VII: Aggregate and Individual Governance Indicators 1996–2007», The World Bank, Policy Research Working Paper 4654, <http://ssrn.com/abstract=1148386>.
4. Lambsdorff, J. Graf (2003), «How Corruption Affects Persistent Capital Flows», *Economics of Governance*, Vol. 4 (3): 229–244.
5. Matteo Dean & Vittorio Sergi (2005), 'Slave labor: forcing prisoners to work', The prison-industrial complex in the United States, <http://bulgaria.indymedia.org/article/3457>.
6. Welch, Michael (2000), 'The role of the Immigration and Naturalisation Service in the Prison Industrial Complex', *Social Justice*, Vol. 27, No.3, 73–75.
7. Tanzi, Vito (1998) 'Corruption Around the World. Causes, Consequences, Scope, and Cures', *IMF Staff Papers*, Vol. 45, No. 4, 559–594.
8. Tanzi, Vito, (1995), «Corruption, Arm's-Length Relationships, and Markets», *The Economics of Organised Crime*, ed. by Gianluca Fiorentini and Sam Peltzman (Cambridge, Massachusetts: Cambridge University Press), pp. 161–180.
9. Rose-Ackerman (2006), *International handbook on the economics of corruption / edited by Susan Rose-Ackerman*, Published by Edward Elgar Publishing Limited, 615 p.
10. *Worldwide Governance Indicators / The World Bank*. – Режим доступу: <http://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators>. – Дата доступу: 6.05.13.
11. *The Global Competitiveness Index 2012–2013 rankings and 2011–2012 comparisons / World Economic Forum*. – Режим доступу: http://www3.weforum.org/docs/CSI/2012-13/GCR_Rankings_2012-13.pdf. – Дата доступу: 11.05.13.
12. *The Global Integrity Report: 2011 Executive Summary / The Global Integrity*. – Режим доступу: <http://www.globalintegrity.org/files/GIR2011.pdf>. – Дата доступу: 6.05.13.
13. *The Total Economy Database / The Conference Board*. – Режим доступу: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/>. – Дата доступу: 6.05.13.
14. *Democracy Index 2012: Democracy is at a standstill / The Economist Intelligence Unit*. – Дата доступу: 6.05.13. – Режим доступу: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex12. – Названіє с екрана.
15. *The Rule of Law Index / The World Justice Project*. – Дата доступу: 6.05.13. – Режим доступу: <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>. – Названіє с екрана.
16. *The 2012 Corruption Perceptions Index. Measures the Perceived Levels of Public Sector Corruption in 176 countries and territories around the world / Transparency International*. – Дата доступу: 6.05.13. – Режим доступу: <http://cpi.transparency.org/cpi2012/>.
17. Филиппова І. Г. Методологічна концепція аналізу соціально-економічних систем : монографія / І. Г. Филиппова. – Луганск : Изд. ВНУ ім. В. Даля, 2012. – 264 с.
18. Филиппова І. Г. Деонтологія соціальної відповідальності і механізм соціального контролю / І. Г. Филиппова, В. Г. Сумцов // *Формування ринкової економіки : зб. наук. праць – спец. вип. Праця в ХХІ столітті: новітні тенденції, соціальний вимір, інноваційний розвиток: у 2 т. – Т. 2.* – К.: КНЕУ, 2012. – С. 524–533.
19. Сумцов В. Г. Соціальна відповідальність держави в контексті ринкових відносин / В. Г. Сумцов, І. Г. Филиппова // *Формування ринкової економіки: зб. наук. праць – спец. вип. Праця в ХХІ столітті: новітні тенденції, соціальний вимір, інноваційний розвиток: у 2 т. – Т. 2.* – К.: КНЕУ, 2012. – С. 452–459.
- Fylyppova, I. H. *Metodolohycheskaia kontseptsyia analiza sotsyalno-ekonomycheskykh system* [The methodological concept of socio-economic systems.]. Luhansk: Yzd. VNU ym. V. Dalia, 2012.
- Fylyppova, I. H., and Sumtsov, V. H. «Deontolohiia sotsialnoi vidpovidalnosti i mekhanizm sotsialnoho kontroliu» [Deontology social responsibility and social control mechanism.]. *Formuvannia rynkovoi ekonomiky vol. 2* (2012): 524–533.
- Kaufmann, D., and Kraay, A. «Governance Indicators: Where Are We, Where Should We Be Going?» <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/7588/wps4370.pdf?sequence=1>.
- Kaufmann, D., and Mastruzzi, A. Kraay and M. «Governance Matters VII: Aggregate and Individual Governance Indicators 1996–2007» <http://ssrn.com/abstract=1148386>.
- Lambsdorff, J. Graf «How Corruption Affects Persistent Capital Flows» *Economics of Governance vol. 4* (3) (2003): 229–244.
- Rose-Ackerman (2006), *International handbook on the economics of corruption / edited by Susan Rose-Ackerman*, Published by Edward Elgar Publishing Limited, 615 p.
- Sumtsov, V. H., and Fylyppova, I. H. «Sotsialna vidpovidalnist derzhavy v konteksti rynkovykh vidnosyn» [Social Responsibility of the State in the context of a market economy.]. *Formuvannia rynkovoi ekonomiky vol. 2* (2012): 452–459.
- «The Global Competitiveness Index 2012–2013 rankings and 2011–2012 comparisons». http://www3.weforum.org/docs/CSI/2012-13/GCR_Rankings_2012-13.pdf.
- «The Global Integrity Report: 2011 Executive Summary». <http://www.globalintegrity.org/files/GIR2011.pdf>.
- «The Total Economy Database». <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/>.
- «The Rule of Law Index». <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>.
- «The 2012 Corruption Perceptions Index. Measures the Perceived Levels of Public Sector Corruption in 176 countries and territories around the world». <http://cpi.transparency.org/cpi2012/>.
- Tanzi, V. «Corruption Around the World. Causes, Consequences, Scope, and Cures» *IMF Staff Papers vol. 45, no. 4* (1998): 559–594.
- Tanzi, Vito, (1995), «Corruption, Arm's-Length Relationships, and Markets». *The Economics of Organised Crime*, ed. by Gianluca Fiorentini and Sam Peltzman (Cambridge, Massachusetts: Cambridge University Press), pp. 161–180.
- Welch, M. «The role of the Immigration and Naturalisation Service in the Prison Industrial Complex» *Social Justice vol. 27, no. 3* (2000): 73–75.
- «Worldwide Governance Indicators». <http://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators>.
- «World Development Report 2002 Building Institutions for Markets, The World Bank, Published by Oxford University Press, Inc.» <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/5984/WDR%202002%20-%20English.pdf?sequence=1>.